

Электронная демократия и гуманистические принципы

Кириленко В. П. *, Алексеев Г. В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *v.vvaas@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Имплементация цифровых технологий в работу политико-правовых институтов современного общества оказывает комплексное воздействие на систему традиционных социальных ценностей. Несмотря на очевидность угроз, исходящих от обезличения труда и конкуренции между человеком и искусственным интеллектом за рабочие места, технический прогресс в современном мире не имеет рациональных альтернатив. Исследование методами дискурсивного и метатеоретического анализа политико-правовых вопросов развития электронной демократии преследует своей целью разработку предложений по государственному регулированию участия институтов гражданского общества в политической жизни современного правового государства. Очевидно, что цифровые технологии, с одной стороны, способствуют дегуманизации политического общения, с другой стороны, они делают процедуры прямой демократии более доступными. Последствием экономии времени и средств в процессе проведения электронного голосования может стать снижение уровня доверия между политическим классом и рядовыми членами общества, которые подвержены маргинализации в условиях цифрового разрыва. Гуманистические принципы требуют от публичной власти защиты интересов личности в процессе взаимодействия с социальными институтами, такими как профсоюзы и профессиональные ассоциации, поскольку цифровое неравенство выражается в системной экономической дискриминации прекариата. Гуманизм при представительной демократии защищен действенными правовыми гарантиями и должен оставаться концептуальным принципом для политических решений, принятых демократическим путем.

Ключевые слова: либерализм, свобода, государство, права человека, гуманизм, равноправие

E-democracy and Humanistic Principles

Viktor P. Kirilenko*, Georgy V. Alekseev

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; *v.vvaas@yandex.ru

ABSTRACT

The implementation of digital technologies in to the political and legal institutions of modern society has a complex effect on the system of traditional social values. Despite the obvious threats posed by the depersonalization of labor and the competition between man and artificial intelligence for workplaces, technical progress in the modern world has no rational alternatives. The study of political and legal issues of e-democracy development by methods of discursive and meta-theoretical analysis aims to develop proposals for state regulation of the participation of civil society institutions in the political life under the rule of law. Obviously, digital technologies, on the one hand, contribute to the dehumanization of political communication, on the other hand, they make direct democracy procedures more accessible. The consequence of saving time and money in the process of conducting electronic voting can be a decrease in the level of trust between the political class and ordinary members of society who are subject to marginalization in the context of the digital divide. Humanistic principles require public authorities to protect the interests of the individual in the process of interaction with civil society institutions such as trade unions and professional associations, since digital inequality is

expressed in the systemic economic discrimination of the precariat. Humanism in a representative democracy requires effective legal guarantees and should remain the main paradigm at the heart of political decisions taken in a democratic way.

Keywords: liberalism, freedom, state, human rights, humanism, equality

Введение

Середина 70-х годов XX в. ознаменовала цифровую революцию, и уже тогда известный японский социолог Енэдзи Масуда (Yoneji Masuda) предвидел, что развитие институтов информационного общества в постиндустриальную эпоху неизбежно [47]. Однако изначально было неясно — какие именно социальные структуры будут предопределять направление устойчивого развития. В поле глобальной политики сформировалась значительная политико-правовая неопределенность вокруг тех целей, во имя которых общество переживает революционную трансформацию форматов общения и меняет способы производства социальных благ. В результате предопределенности потребления — «макдональдизации» [49] всякие проявления выбора (в том числе политического) были поставлены в зависимость от навязанного авторитетом «негуманных технологий» (non-human technologies) набора вариантов. При этом далеко не всегда обеспечиваются разумность и справедливость политических решений, так как существует пропасть между потребностями рядовых членов общества и интересами политического класса, в рамках которого отдельные его представители склонны воспринимать народ не как носитель суверенитета, а как средство достижения собственных политических целей. Превращение народа и закона в социальные артефакты (инструменты) позволяет элитам игнорировать интересы гражданского общества, предлагая в рамках демократических процедур несколько в разной степени неприемлемых и несправедливых альтернатив с предсказуемым результатом голосования.

Исследования глобальных процессов, которые осуществляет западный ученый Джонатан Кейр (Jonathan Keir), показывают парадоксальное противопоставление гуманизма и вельфаризма. С одной стороны, в условиях сильно дифференцированных и все более глобальных рынков труда, следует по общепринятому неолиберальному принципу оставить людей в покое, чтобы они следовали своим собственным представлениям о хорошей жизни при условии, что они проявляют минимум уважения к правопорядку и организациям, где они работают. С другой стороны, если этическая ответственность ограничена «рамками минимального соответствия закону», общество становится беззащитным перед излишествами самых влиятельных его членов и транснациональных корпораций [44, p. 139]. Высока вероятность того, что бизнес-элита и ангажированный ею политический класс под воздействием глобальной конкуренции откажутся от части гуманистических принципов в пользу вельфаризма [43]. При этом альтернативу вельфаризму образует идеология экономического равенства (economic egalitarianism), которая также в значительной степени игнорирует естественные потребности и интересы индивида [28, p. 748].

В постиндустриальном обществе цифровая медиакратия и квантовая политика [17] обуславливают дегуманизацию управления, которая, как метод принятия политических решений, полагается на математические алгоритмы без характерных человеческих эмоций и чувств. Основу механизма дегуманизации составляют цифровые технологии, позволяющие по ряду принципиальных вопросов изолировать политический класс от реальных потребностей прекариата [24], маргинальных групп и других проблемных социальных структур. В результате дегуманизации государственного и корпоративного управления интересы и потребности рядовых членов общества ставятся под контроль технологий искусственного интеллекта, и электрон-

ная демократия в некоторой степени становится частью этого механизма политико-правового регулирования.

Известный французский юрист Жорж Ведель (Georges Vedel) справедливо полагал, что «законность — это качество того, что соответствует закону» (*legalidad es la cualidad de aquello que es conforme a la Ley*) [50, p. 99]. В этом контексте рассмотрение вопроса о соответствии электронной демократии принципу гуманизма носит принципиальный характер в части влияния цифровых технологий на качество демократии и политического выбора. Если исходить из того факта, что для демократии принципиальное значение имеет оппозиция и участие [33], то с одной стороны, цифровое пространство дает оппозиции большие возможности для выражения собственной политической программы и упрощает доступ избирателей к политической дискуссии и голосованию, а, с другой стороны, в результате внедрения сложных информационных технологий возникает эффект цифрового разрыва между политическим классом и электоратом. Медиасообщество, используя современные информационные технологии, формирует политическую повестку дня и создает мифологемы в политическом и правовом сознании не только рядовых граждан, но и институтов власти.

Формально информационные технологии всегда остаются в рамках правового поля, однако качество той социальной реальности, которая актуализируется под воздействием электронной демократии, оценивается при помощи тех же цифровых технологий, что последовательно приводит к деградации человеческого капитала. В то время как кантианские идеи относительно влияния Просвещения (*Aufklärung*) на власть во многом сводятся к тому, «что только объединенная воля людей может сделать власть легитимной» [46, p. 168], авторитет умных машин может оказаться в значительной мере проявлением ригидного тоталитаризма бюрократических алгоритмов, положенных в основу работы государственной власти и искусственных нейронных сетей. Движение навстречу искусственному интеллекту представляется основным трендом технического прогресса, который угрожает самой идее незаменимости человека и ставит под сомнение некоторые фундаментальные аспекты гуманизма.

Рациональность электронной демократии

Американский политолог Джеффри Джонсон (Jeffrey Alan Johnson) последовательно отстаивает идею ограниченности возможностей информационных технологий в развитии общества и характеризует диктатуру как одну из основных угроз демократии, исходящих от цифровых технологий и их разработчиков. Далеко не всякие усилия по созданию электронной демократии обязательно укрепляют либеральную демократическую политику, они также могут быть направлены на легитимацию нелиберальных политических практик посредством использования электронной демократии. Технологии — это не нейтральные по отношению к ценностям артефакты, а социальные практики, в которых ценности и смыслы являются центральными элементами [42, p. 85]. В аксиологическом плане современное информационное общество парадоксально. С одной стороны, в нем индивидуализм продвигается как социальный идеал, и люди поощряются к благосостоянию и эгоизму, а с другой стороны, в политическом и правовом сознании индивидов власть стремится воспитывать патриотизм, сострадание и позитивную политическую ответственность. Однако все больше людей надеются только на себя и покидают традиционные сообщества: общины (*communities*), профсоюзы и общественные движения, разрушаются основы государства [39].

Электронная демократия в практике борьбы за власть отражается в административных решениях и влияет на планы и прогнозы политического развития государства. Математическое моделирование демократии создает впечатление, что по-

литические решения вырабатываются демократическим путем, однако это не совсем так. Например, «построенная динамическая модель показала, что при более высокой продуктивности демократия позволяет выработать более близкий к оптимальному экономический курс, а значит, дает меньше экономических поводов для дестабилизации» [4, с. 106]. В современной политической реальности очевидно, что «повышение уровня жизни увеличивает шансы на выживание» [4, с. 106] не только демократии, но абсолютно любого политического режима, однако экономические успехи и политический режим отражают достижения в разных сферах жизни общества. Представляется не совсем корректным рассматривать демократию как средство достижения благосостояния, в то время как демократические процедуры определяют правила борьбы за власть. Основу демократических процедур составляет актуализация реальных политических настроений граждан и качество конституционного правопорядка, а не экономические успехи при всей их важности.

В то время как демократические идеалы могут иметь национальный колорит, гуманизм универсален. В отличие от политического моделирования демократии правовые гарантии политических прав и свобод практически всегда ограничиваются текстуальным описанием режима и по своей природе не имеют квантовых или дискретных цифровых значений. Декларируемые в международном праве демократические принципы в практиках различных политических систем могут приводить к диаметрально противоположным последствиям. В истории широко известны факты, когда под влиянием общественного мнения формально демократические практики способны приводить к несправедливым и иррациональным решениям.

Демократические решения, основанные на мнении большинства, как правило, не подлежат проверке и, если представить себе автоматизированную систему постановки вопросов на голосование, то результат такой электронной демократии будет во многих случаях иметь неправовой характер. Цифровизация также не способствует единообразному пониманию демократии. По авторитетному мнению Президента Института Ближнего Востока Е. Я. Сатановского, «Хантингтон оказался прав, Фукуяма — нет. Война цивилизаций идет полным ходом, а „конца истории“ и окончательной победы либеральной западной демократии нет и не предвидится» [22, с. 15]. В контексте анализа последствий электронной демократии заслуживает внимания и мнение российского специалиста в области международных отношений Д. В. Суслова о том, что «руководимый Соединенными Штатами либеральный международный порядок в его традиционном американском понимании не состоялся» [23, с. 14]. Причина несостоятельности неолиберальных политических режимов состоит в несправедливости значительной части политических решений, многие из которых принимаются демократическим путем [18].

По авторитетному мнению профессора Д. З. Мутагирова, «демократия — это характер общественных отношений, складывающихся в процессе реального участия каждого члена социума, или по меньшей мере большинства, в коллективном решении общих для всех проблем, которые невозможно решать в одиночку» [20, с. 177]. Виртуальность участия избирателей в политическом процессе при электронной демократии может способствовать юридически значимому волеизъявлению того меньшинства, которому доступны цифровые технологии. У политического класса есть возможность навязывать индивидам негуманные технологии, что предопределяет кризис гуманизма. Справедливо мнение Н. А. Красавиной относительно «кризиса гуманизма», который вызван отчужденной экзистенцией, «фиксирующей разочарование философской мысли XX в. в гуманистических идеалах» [14, с. 33]. «Выпадение человеческого существования из его экзистенциальной подлинности» [27, § 76] оказывает влияние на развитие демократии «по пути внедрения электронных делиберативных механизмов управления, которые, в принципе, не противопоставляются существующей системе представительной демо-

кратии, а логично ее дополняют и совершенствуют» [21, с. 331]. В результате демократия становится ориентирована на понимание рациональности, подчиненное не столько потребностям конкретного человека, сколько медиадиалогике, отражающей рейтинги и популярность политических лидеров [17].

Электронная демократия и цифровой разрыв

Развитие политических процессов в виртуальном пространстве связано с угрозами концептуальных ошибок в оценке влияния информационных технологий на традиционные социально-политические институты. С одной стороны, оптимизация процессов государственного управления достигается за счет внедрения наиболее современных технологий в общественную жизнь, с другой стороны, принцип гуманизма требует от нас максимального внимания к влиянию электронной демократии на реализацию прав человека. Справедливо мнение академика С. Ю. Глазьева о том, что «моментом начала информационно-цифровой революции следует считать появление электронно-вычислительных машин, которые без участия человека совершают операции с числами, получая, преобразовывая и передавая информацию. Хотя человек задает им программу и ставит задачи, ЭВМ самостоятельно оперируют с цифрами, генерируя, накапливая и передавая новую информацию» [11, с. 70]. При этом компьютеры как объект гражданско-правовых отношений мало отличаются от счетов и арифмометров, однако современное программное обеспечение машин способно самостоятельно ставить и решать даже творческие задачи, что позволяет искусственному интеллекту, если не претендовать на правосубъектность, то конкурировать с человеком во многих областях общемирового хозяйства.

Цифровые технологии не привели к большей демократизации жизни постиндустриального общества. Британские ученые Джайлс Мосс (Giles Moss) и Стефен Коулман (Stephen Coleman) отмечают, что наряду с отдельными примерами успеха, эксперименты в области электронной демократии «были в целом разочаровывающими, особенно по сравнению с амбициозной риторикой, которая окружала стратегию использования Интернета для поддержки демократии» [48, р. 410]. Доминирование цифровой инфраструктуры определяет тревожную социальную динамику, при которой «деградация человеческого потенциала лишает российское общество возможности даже простого воспроизводства, не говоря уже о способности к устойчивому развитию» [12, с. 591]. Успех проектов электронной демократии, таким образом, возможен только при двух условиях, во-первых, ориентированность на защиту прав человека, и, во-вторых, нацеленность на устойчивое развитие.

Цифровые технологии электронной демократии в различной степени доступны для социальных групп и классов. Проблема цифрового разрыва затрагивает не только доступность информационной инфраструктуры, но и отражает отличия в культурном капитале между политическими и социальными институтами [1]. В результате цифрового неравенства вокруг электронной демократии сформировалось значительное число гипотез и предположений, которые не поддаются верификации на универсальном уровне и принимаются за аксиому в рамках социальных структур с близким по содержанию культурным капиталом. В этом контексте показательно исследование южнокорейских ученых о влиянии Интернета на демократию, которое демонстрирует, что при всем разнообразии глобальной сети читатели газет используют сетевые ресурсы, предпочитая их чтению в «автономном режиме» [37, р. 388]. Американское общество имеет несколько другие привычки, связанные с верой в «основные человеческие свободы» (essential human freedoms), которые Президент США Франклин Рузвельт (Franklin Delano Roosevelt) надеялся привить по всему миру, однако для американцев эти идеалы были тесно связаны с абстрактным понятием «технологический прогресс» [45, р. 8]. Понимание взаимосвязи свободы

и технического процесса в американском обществе можно строить через литературное наследие Ральфа Эллисона (Ralph Waldo Ellison) [45], однако есть все основания сомневаться в рациональности этой логики в масштабах всего мира.

Глобальное информационное общество изначально предполагает неравенство между теми, кто разрабатывает информационные технологии, и теми, кто следует в русле доминирующих технологических корпораций. Пристальное внимание к культурным различиям между народами и социальными группами может сглаживать эффект цифрового неравенства, однако практика электронного правительства идет принципиально иным путем, стремясь внедрить одинаковые административные регламенты и протоколы электронной демократии. Американский ученый Ася Кули (Asya Cooley), утверждая, что «электронная демократия, самый высокий уровень электронного правительства» доказывает, что «хотя Россия и Китай достигли высокого уровня развития электронного правительства, ознаменованного высоким уровнем доступности и интеграции услуг электронного правительства, и не смогли достичь электронной демократии» [32, р. 899]. Однако правительство Китайской Народной Республики не планировало достичь электронной демократии в том смысле, который очевиден для американских ученых. В Китае существует собственная административная парадигма цифровизации общественной жизни.

Решая именно проблему качества современной демократии, российские ученые акцентируют внимание на электронном участии, которое определяется как «комплекс методов и инструментов, обеспечивающих электронное взаимодействие граждан и органов власти с целью учета мнения граждан в государственном и муниципальном управлении, при принятии политических решений» [26, с. 15]. Фактически признается необходимость электронного взаимодействия субъектов и повышения «уровня участия граждан в политике» [6, с. 84], однако такой подход не направлен на улучшение качества жизни населения, гуманизацию административных практик и поиск более справедливых и рациональных политических решений. Профессор В. В. Комарова, анализируя электронную демократию, справедливо отмечает актуальность вопросов организационного и технического обеспечения, а также проблему психологической подготовки граждан к осуществлению народовластия в электронной форме [19, с. 48].

Электронная демократия, равноправие и правовое государство

Исследование влияния цифровых технологий на реализацию правовых гарантий народовластия достаточно сложная задача в методологическом плане. Математические методы измерения демократического участия будут неизбежно приводить к выводу о более широком участии в результате расширения форматов общения политиков с избирателями, однако качество такого участия может оказаться угрожающе низким. Дискурсивный и метатеоретический анализ неизбежно влечет сравнение парадигмы электронной демократии с представлениями об угрозах, порожденных к жизни цифровыми технологиями. В условиях поступательного развития политики в виртуальном пространстве ключевой проблемой является модель политической и правовой коммуникации, которая способна обеспечить безопасность институтов правового государства и гражданского общества на национальном и универсальном уровнях. Моделирование современной демократии имеет политико-правовую форму, поскольку конструкция всякой современной легитимной власти отражена в документах и фактически имеет легально-бюрократическую природу.

Очевидна взаимосвязь электронной демократии со всеми глобальными процессами, где «элементом обеспечения равного, эффективного и прозрачного доступа к информации о правовом статусе является разрешение проблемы „информационного разрыва“, которая наблюдается не только в рамках одного государства, но и в целом

на всем пространстве СНГ. Особенно ярко проблема проявляется в среде мигрантов» [2, с. 106]. Формирование системы общения политического класса с избирателями через особые информационные технологические системы предполагает обеспечение равноправия между всеми элементами этой социально-технической системы. Проектирование гуманитарных технологий, к числу которых относится электронная демократия, основано на различии «гуманных» и «манипулятивных» [10, с. 5] методов взаимодействия человека и технических систем обработки информации. Принципы сложного мышления и «многомерная логика» необходимы для обеспечения гуманистического содержания демократического общения [10]. Если редуцировать демократию к электронному волеизъявлению, то будет не только утрачено социально-психологическое содержание политики, но возникнет угроза технологической диктатуры производной от формата волеизъявления.

Можно согласиться с Я.В. Антоновым в том, что «электронная демократия, как и электронное голосование, берет свое начало в конституционных идеях народовластия и выборности, в частности в идее непосредственного осуществления народом принадлежащей ему власти» [3, с. 101], однако при таком подходе придется условно признать электронные системы частью понятия «народ». Учитывая тот факт, что электронные системы не являются в рамках данного тезиса средством реализации активного избирательного права, информационные технологии могут выступать самостоятельной формой господства. Народовластие здесь превращается в цифровую абстракцию, где технологии положены в основание реализации власти и авторитета.

Расширение понятия «народ» за счет включения в него элементов искусственного интеллекта и «негуманных» технологий рассматривается в том контексте, что «электронная демократия — это новое международное явление и один из возможных способов модернизации традиционной демократической системы» [29, р. 19]. В классической представительной демократии наблюдается «невозможность реализации глобальных международных структур, которые бы заменили национальные правительства и органы управления» [13, с. 32], однако предложенное направление модернизации системы поддержания авторитета власти посредством внедрения электронной демократии способно обеспечивать легитимность глобальных структур власти. Эту политическую логику подтверждает тот факт, что «негативная сторона использования технологий мобильного (политического — В.К., Г.А.) маркетинга заключается в возможности организации „цветных революций“» [5, с. 40]. Отечественные специалисты полагают, что «Россия находится в рамках общемировых трендов, когда безоговорочным лидером медиарынка является телевидение, которое постепенно переходит в Интернет, а прочие виды медиаактивов постепенно теряют свою привлекательность и также смещаются в виртуальную область» [7, с. 88], создавая именно там базис электронной демократии.

Даже если согласиться с тем, что «электронное голосование более эффективно в борьбе не только с подкупом, но и с многими иными видами электоральных махинаций» [25, с. 209], что далеко небесспорно, то этот положительный эффект может нивелироваться за счет снижения активности личного участия избирателей в электоральном процессе при расширении географии электоральных процедур. Фактически влияние электронного голосования оказывает комплексное воздействие на качество демократии, расширяя число избирателей, которые способны принять участие в голосовании, однако снижая при этом активность живого общения по вопросам предвыборной повестки. Проникновение технологий голосования через интернет (Web) неизбежно переносит в виртуальное пространство Сети значительную часть предвыборной агитации, где алгоритмы искусственного интеллекта в определенной мере контролируют общение политического класса и избирателей.

Словенский юрист Боян Бугарич (Bojan Bugarič) справедливо полагает, что «для либеральной демократии крайне важно, чтобы конституционный либерализм поль-

зовался тем же престижем и важностью, что и „электоральная демократия“. Только тогда, когда оба элемента либеральной демократии работают в унисон, мы можем говорить о зрелых и консолидированных либеральных демократиях. Граждане в Центральной и Восточной Европе имеют низкую степень доверия к политике в целом и к политическим партиям в частности, и этим странам необходимо вкладывать больше времени и энергии в преодоление этой тенденции» [31, р. 219]. Создание посредника, наделенного искусственным интеллектом, между политическим классом и избирателями может вызвать обратный эффект в результате того, что волеизъявление народа будет мало понятно всем участникам политического процесса, но будут подчиняться логике искусственного интеллекта.

Логика народовластия при электронной демократии неизбежно подчиняется законам больших данных (big data) [36; 41]. Принципы обработки и использования больших данных структурно противоречат принципам законодательства о защите тайны частной жизни, персональных данных и другой закрытой информации [30]. В условиях глобальных сетей оперирующих большими данными, по точному замечанию американского аналитика Тимоти Харфилда (Timothy D. Harfield), «постгуманизм бросает вызов примату эмпирически-дедуктивного мышления и выступает за восстановление легитимности риторики как способа мышления» [34, р. 264]. Политическому классу будет гораздо сложнее управлять социальными институтами в условиях развитой электронной демократии, так как медиаструктуры будут использовать харизматическое господство в процессе борьбы за власть. При этом потребуются принципиально новые законодательные решения для превращения технологических процессов больших данных в общественную ценность [38; 40; 41].

Европейские ученые Джэнс Хофф (Jens Hoff) и Кристиан Эллинг Шееле (Christian Elling Scheele) отмечают, что «цифровая демократия (digital democracy) фокусируется на том, как конкретные возможности Интернета транслируются в определенные политические и / или административные практики, и как эти практики создаются посредством взаимодействия между дискурсами, участниками и технологиями» [35, р. 241]. Таким образом, очевидно, что стремление редуцировать электронную демократию к процессам машинной обработки данных с избирательных участков отражает крайне узкое понимание взаимосвязи между демократией и цифровыми технологиями. В самом начале XXI в. было широко признано значение «Интернета как нового средства политической коммуникации, способного значительно улучшить качество политической дискуссии» [8, с. 69], однако именно сетевые технологии в политическом плане создали цифровое неравенство, которое выражается в низком уровне информационной культуры и угрожает правовому государству [9].

Гуманистические ценности и демократия взаимосвязанные понятия в том плане, что политический режим призван защищать интересы граждан государства. Политические гарантии плюрализма не дают общественным движениям права злоупотреблять свободой слова, совершая деликты экстремистского характера [15] или дестабилизируя политическую обстановку в конкретном регионе [16]. Равноправие может быть обеспечено в условиях электронной демократии только за счет активного участия институтов гражданского общества в создании политических инициатив и проектов, отвечающих интересам всех слоев населения. Качество демократии в информационном обществе определяется соответствием гуманистическим идеалам тех политических альтернатив, что предлагаются на демократический выбор.

Заключение

Трансформация политического рынка активно задействует средства электронной демократии в процессе производства политических решений, обусловленных всеми цветами политического спектра. Средства электронной демократии не ограничива-

ются электронными технологиями голосования и внедрением электронных делиберативных механизмов управления, так как в политических практиках широко используется цифровое моделирование повестки дня и реакций электората. В современных условиях последствия решений политического класса, легитимированных в процессе плебисцита, как правило, известны заранее, что снижает доверие избирателей к демократии как инструменту социального контроля за деятельностью государственной власти.

Принципиальное значение имеют формы участия населения в институтах цифровой демократии, а также место и качество политической оппозиции в виртуальном пространстве. Поскольку гуманистические принципы запрещают нам использовать человека как средство достижения политической или экономической цели, постольку правовые императивные нормы призваны исключить возможность подмены традиционных идеалов и интересов «негуманными технологиями», которые исключают не только известные человеческие слабости, но и социальную ответственность, человечность и доверие из политических коммуникаций. Гуманизм предполагает оценку качества демократии через востребованность личных качеств политических лидеров и активистов институтов гражданского общества в политической жизни страны.

Принцип гуманизма тесно связан с понятием «народ» в конституционном праве и политических процессах. Представляется, что народовластие возможно только при условии консолидации интересов политического класса и рядовых членов общества, реализующих активное избирательное право. В этом смысле дополнение системы традиционных и тактических медиа технологическими системами электронной демократии, основанными на цифровых технологиях, способно затруднить формирование у народа его суверенной воли и может приводить к созданию виртуальной картины жизни общества в политическом сознании представителей власти. Таким образом, гуманизм требует от нас прямого и непосредственного общения представителей власти с народом в рамках институтов гражданского общества, как в процессе предвыборной агитации, так и в процессе оценки результатов деятельности органов власти.

Литература

1. *Алексеев Г. В.* Расширение областей применения информационных технологий и информационная безопасность государства // Управленческое консультирование. 2017. № 5. С. 8–19.
2. *Антонов Я. В.* Концепция системы электронной миграции // Управленческое консультирование. 2018. № 8. С. 106–115.
3. *Антонов Я. В.* Электронная демократия и электронное голосование: конституционно-правовое измерение // Российский юридический журнал. 2016. № 5 (110). С. 101–113.
4. *Ахременко А. С., Петров А. П., Филиппов И. Б.* Стабильность и выживание демократий: от гипотезы Липсета к производительности экономики // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2018. № 3 (90). С. 87–112.
5. *Байков Е. А., Байкова И. А., Морщагина Н. А.* Актуализация использования инновационных маркетинговых технологий в экономической и политической сферах деятельности современного общества // Петербургский экономический журнал. 2017. № 3. С. 33–43.
6. *Балашов А. Н.* Электронная демократия в России: состояние и особенности развития // Вестник государственного и муниципального управления. 2017. № 2 (25). С. 84–91.
7. *Барсуков Д. П., Качук В. Н., Климин А. И.* Медиаэкономика и основные тенденции развития современного телевидения // Петербургский экономический журнал. 2017. № 4. С. 84–93.
8. *Быков И. А.* «Электронная демократия» VS «электронное правительство»: концептуальное противостояние? // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2005. Т. 1. № 3. С. 69–79.
9. *Быков И. А., Халл Т. Э.* Цифровое неравенство и политические предпочтения интернет-пользователей в России // Полис. Политические исследования. 2011. № 5. С. 151–163.

10. *Галажинский Э. В., Ключко В. Е.* Высокие гуманитарные технологии в образовании: между гуманизмом и манипуляцией // Психология обучения. 2010. № 12. С. 5–21.
11. *Глазьев С. Ю.* Информационно-цифровая революция // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2018. № 1. С. 70–83.
12. *Глазьев С. Ю., Локосов В. В.* Оценка предельно критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием // Вестник Российской академии наук. 2012. Т. 82. № 7. С. 587–614.
13. *Демидов Д. Г.* Космополитические основания интеграционных процессов современных государств // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2016. № 2. С. 29–34.
14. *Касавина Н. А.* Социальное государство: между гуманизмом и прагматизмом // Социологические исследования. 2018. № 10. С. 33–43.
15. *Кириленко В. П., Алексеев Г. В.* Актуальные проблемы противодействия преступлениям экстремистской направленности // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 4. С. 561–571.
16. *Кириленко В. П., Алексеев Г. В.* Политические технологии и международный конфликт в информационном пространстве Балтийского региона // Балтийский регион. 2018. Т. 10. № 4. С. 20–38.
17. *Кириленко В. П., Алексеев Г. В.* Современная демократия и политические лидеры // Управленческое консультирование. 2018. № 7. С. 17–31.
18. *Кириленко В. П., Алексеев Г. В., Пацек М.* Естественное право и кризис либерального правопорядка // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. Т. 10. № 1. С. 38–54.
19. *Комарова В. В.* Электронная демократия — мифы и реальность // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук. 2016. № 3. С. 44–52.
20. *Мутагиров Д. З.* Столкновение взглядов на демократию // Свободная мысль. 2013. № 1. С. 175–188.
21. *Россошанский А. В., Цаплин А. Ю.* Пути развития современных демократий в информационном обществе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Социология. Политология. 2017. Т. 17. № 3. С. 331–336.
22. *Сатановский Е. Я.* Между кризисом и катастрофой // Россия и мусульманский мир. 2016. № 5. С. 13–23.
23. *Суслов Д. В.* Гудбай, прежняя Америка? // Россия в глобальной политике. 2016. Т. 14. № 5. С. 13–21.
24. *Тощенко Ж. Т.* Новое явление в социальной структуре общества: прекариат // Общество и экономика. 2018. № 11. С. 25–45.
25. *Чимаров Н. С.* Правовые стандарты новых технологий голосования в избирательном процессе Эстонской Республики // Управленческое консультирование. 2015. № 5. С. 204–210.
26. *Чугунов А. В.* Электронное участие в контексте трансформации концепции демократии // Управленческое консультирование. 2017. № 8. С. 14–20.
27. *Яннарас Х.* Избранное: Личность и Эрос. М. : РОССПЭН, 2005. 480 с.
28. *Achterberg P., Houtman D., Derks A.* Two of a Kind? An Empirical Investigation of Anti-welfarism and Economic Egalitarianism // The Public Opinion Quarterly 2011. Vol. 75. N 4. P. 748–760.
29. *Antonov Ya. V.* The Role of International Organizations in the Formation of the Legal Framework of E-Democracy // Czech Yearbook of International Law. 2018. P. 19–46.
30. *Boehme-Nebler V.* Privacy: A Matter of Democracy. Why democracy needs privacy and data protection in International Data Privacy Law // International Data Privacy Law 2016. Vol. 6. Is. 3. P. 222–229.
31. *Bugarič B.* A Crisis of Constitutional Democracy in Post-Communist Europe: “Lands in-between” Democracy and Authoritarianism // International Journal of Constitutional Law 2015. Vol. 13. Is. 1. P. 219–245.
32. *Cooley A.* Examining Development of E-Government in Russia and China: A Comparative Approach // International Journal of Public Administration 2018. Vol. 41. Is. 11. P. 899–908.
33. *Dahl R. A.* A Democratic Dilemma: System Effectiveness Versus Citizen Participation // Political Science Quarterly 1994. Vol. 109. Is. 1. P. 23–34.
34. *Harfield T. D.* Exposing Humanism: Prudence, Ingenuity, and the Politics of the Posthuman // Journal of Historical Sociology 2013. Vol. 26. Is. 2. P. 264–288.
35. *Hoff J., Scheele C. E.* Theoretical Approaches to Digital Services and Digital Democracy: The Merits of the Contextual New Medium Theory Model // Policy & Internet 2014. Vol. 6. Is. 3. P. 241–267.

36. *Hollis L.* Weapons of Maths Destruction: How big data increases inequality and threatens democracy. An interview with Cathy O'Neil // *IPPR Progressive Review* 2017. Vol. 24. Is. 2. P. 108–118.
37. *Hong S., Kim N.* Will the Internet Promote Democracy? Search Engines, Concentration of Online News Readership, and E-democracy // *Journal of Information Technology & Politics* 2018. Vol. 15. Is. 4. P. 388–399.
38. *Ingrams A.* Public Values in the Age of Big Data: A Public Information Perspective // *Policy & Internet* 2018.
39. *Isaac J. C.* Liberal Democracy in Question? // *Perspectives on Politics* 2017. Vol. 15. Is. 1. P. 1–5.
40. *Janssen M., Kuk G.* The Challenges and Limits of Big Data Algorithms in Technocratic Governance // *Government Information Quarterly* 2016. Vol. 33. Is. 3. P. 371–377.
41. *Janssen M., Van den Hoven J.* “Big and Open Linked Data (BOLD) in Government: A Challenge to Transparency and Privacy?” // *Government Information Quarterly* 2015. Vol. 32. Is. 4. P. 363–368.
42. *Johnson J. A.* The Illiberal Culture of E-Democracy // *Journal of E-Government* 2007. Vol. 3. Is. 4. P. 85–112.
43. *Kaplow L., Shavell S.* *Fairness versus Welfare.* Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press. 2002.
44. *Keir J.* Two Hearts Believing in Just One Mind? The Humanistic Management Network and the Global Ethic Project // *Humanistic Management Journal* 2016. Vol. 1. Is. 1. P. 139–147.
45. *Lieberman J. L.* Ralph Ellison’s Technological Humanism // *MELUS* 2015. Vol. 40. Is. 4. P. 8–27.
46. *Marey M.* A Political Defence of Kant’s Aufklärung: An Essay // *Critical Horizons* 2017. Vol. 18. Is. 2. P. 168–185.
47. *Masuda Y.* *The Information Society as Post-industrial Society.* Institute for the Information Society. Tokyo. 1980.
48. *Moss G., Coleman S.* Deliberative Manoeuvres in the Digital Darkness: eDemocracy Policy in the UK // *The British Journal of Politics & International Relations* 2014. Vol. 16. Is. 3. P. 410–427.
49. *Ritzer G.* *The McDonaldisation of Society.* Pine Forge Press. 1993.
50. *Vedel G.* *Derecho administrativo.* Aguilar, 1980.

Об авторах:

Кириленко Виктор Петрович, заведующий кафедрой международного и гуманитарного права Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации; v.vaas@yandex.ru

Алексеев Георгий Валерьевич, доцент кафедры правоведения Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат юридических наук, доцент; Deltafox1@yandex.ru

References

1. *Alekseev G. V.* Expansion of scopes of information technologies and information security of the state // *Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]*. 2017. N 5. P. 8–19. (In rus)
2. *Antonov Ya. V.* Concept of a system of electronic migration // *Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]*. 2018. N 8. P. 106–115. (In rus)
3. *Antonov Ya. V.* Electronic democracy and electronic vote: constitutional and legal measurement // *Russian juridical journal [Rossiiskii yuridicheskii zhurnal]*. 2016. N 5 (110). P. 101–113. (In rus)
4. *Akhremenko A. S., Petrov A. P., Filippov I. B.* Stability and survival of democracies: from Lipset hypothesis to economy productivity // *Politeia: Analysis. Chronicle. Forecast (Journal of political philosophy and sociology of policy) [Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoi filosofii i sotsiologii politiki)]*. 2018. N 3 (90). P. 87–112. (In rus)
5. *Baykov E. A., Baykova I. A., Morshchagina N. A.* Updating of use of innovative marketing technologies in economic and political fields of activity of modern society // *St. Petersburg economic journal [Peterburgskii ekonomicheskii zhurnal]*. 2017. N 3. P. 33–43. (In rus)

6. Balashov A. N. Electronic democracy in Russia: state and features of development // Messenger of the state and municipal administration [Vestnik gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya]. 2017. N 2 (25). P. 84–91. (In rus)
7. Barsukov D. P., Kachuk V. N., Klimin A. I. Mediaeconomy and top trends of development of modern television // St. Petersburg economic journal [Peterburgskii ekonomicheskii zhurnal]. 2017. N 4. P. 84–93. (In rus)
8. Bykov I. A. "Electronic democracy" VS "electronic government": conceptual opposition? // Political expertise [Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS]. 2005. V. 1. N 3. P. 69–79. (In rus)
9. Bykov I. A., Hull T. E. Digital inequality and political preferences of Internet users in Russia // Political researches [Polis. Politicheskie issledovaniya]. 2011. N 5. P. 151–163. (In rus)
10. Galazhinsky E. V., Klochko V. E. High humanitarian technologies in education: between humanity and manipulation // Training Psychology [Psikhologiya obucheniya]. 2010. N 12. P. 5–21. (In rus)
11. Glazyev S. Yu. Information and digital revolution // Eurasian integration: economy, law, policy [Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika]. 2018. N 1. P. 70–83. (In rus)
12. Glazyev S. Yu., Lokosov V. V. Assessment of extremely critical values of indicators of a condition of the Russian society and their use in management of social and economic development // Bulletin of the Russian Academy of Sciences [Vestnik Rossiiskoi akademii nauk]. 2012. V. 82. N 7. P. 587–614. (In rus)
13. Demidov D. G. Cosmopolitan bases of integration processes of the modern states // Eurasian integration: economy, law, policy [Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika]. 2016. N 2. P. 29–34.
14. Kasavina N. A. Social state: between humanity and pragmatism // Sociological researches [Sotsiologicheskie issledovaniya]. 2018. N 10. P. 33–43. (In rus)
15. Kirilenko V. P., Alekseev G. V. Current problems of counteraction to crimes of extremist orientation // All-Russian criminological journal [Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal]. 2018. V. 12. N 4. P. 561–571. (In rus)
16. Kirilenko V. P., Alekseev G. V. Political technologies and international conflict in information space of the Baltic region // Baltic region [Baltiiskii region]. 2018. V. 10. N 4. P. 20–38. (In rus)
17. Kirilenko V. P., Alekseev G. V. Modern democracy and political leaders // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2018. N 7. P. 17–31. (In rus)
18. Kirilenko V. P., Alekseev G. V., Patsek M. Natural law and crisis of the liberal law and order // Messenger of the St. Petersburg university. Law [Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo]. 2019. V. 10. N 1. P. 38–54. (In rus)
19. Komarova V. V. Electronic democracy — myths and reality // Scientific notes of the Khujand State University of the academician B. Gafurov. Series of humanitarian and social sciences [Uchenye zapiski Khudzhandskogo gosudarstvennogo universiteta im. akademika B. Gafurova. Seriya gumanitarno-obshchestvennykh nauk]. 2016. N 3. P. 44–52. (In rus)
20. Mutagirov D. Z. Collision of views of democracy // Free thought [Svobodnaya mysl']. 2013. N 1. P. 175–188. (In rus)
21. Rossoshansky A. V., Tsaplin A. Yu. Ways of development of modern democracies in information society // News of the Saratov University. New series. Series: Sociology. Political sciences [Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser.: Sotsiologiya. Politologiya]. 2017. V. 17. N 3. P. 331–336. (In rus)
22. Satanovsky E. Ya. Between crisis and accident // Russia and the Muslim world [Rossiya i musul'manskii mir]. 2016. N 5. P. 13–23. (In rus)
23. Suslov D. V. Goodbye, former America? // Russia in global policy [Rossiya v global'noi politike]. 2016. V. 14. N 5. P. 13–21. (In rus)
24. Toshchenko Zh. T. The new phenomenon in social structure of society: precariate // Society and economy [Obshchestvo i ekonomika]. 2018. N 11. P. 25–45. (In rus)
25. Chimarov N. S. Legal standards of new technologies of vote in electoral process of the Republic of Estonia // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2015. N 5. P. 204–210. (In rus)
26. Chugunov A. V. Electronic participation in a context of transformation of the concept of democracy // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2017. N 8. P. 14–20. (In rus)
27. Yannaras Ch. Favourites: Person and Eros. M. : ROSSPEN, 2005. 480 p. (In rus)
28. Achterberg P., Houtman D., Derks A. Two of a Kind? An Empirical Investigation of Anti-welfarism and Economic Egalitarianism // The Public Opinion Quarterly 2011. Vol. 75. N 4. P. 748–760.

29. Antonov Ya. V. The Role of International Organizations in the Formation of the Legal Framework of E-Democracy // Czech Yearbook of International Law. 2018. P. 19–46.
30. Boehme-Neßler V. Privacy: A Matter of Democracy. Why democracy needs privacy and data protection in International Data Privacy Law // International Data Privacy Law 2016. Vol. 6. Is. 3. P. 222–229.
31. Bugarič B. A Crisis of Constitutional Democracy in Post-Communist Europe: “Lands in-between” Democracy and Authoritarianism // International Journal of Constitutional Law 2015. Vol. 13. Is. 1. P. 219–245.
32. Cooley A. Examining Development of E-Government in Russia and China: A Comparative Approach // International Journal of Public Administration 2018. Vol. 41. Is. 11. P. 899–908.
33. Dahl R. A. A Democratic Dilemma: System Effectiveness Versus Citizen Participation // Political Science Quarterly 1994. Vol. 109. Is. 1. P. 23–34.
34. Harfield T. D. Exposing Humanism: Prudence, Ingenuity, and the Politics of the Posthuman // Journal of Historical Sociology 2013. Vol. 26. Is. 2. P. 264–288.
35. Hoff J., Scheele C. E. Theoretical Approaches to Digital Services and Digital Democracy: The Merits of the Contextual New Medium Theory Model // Policy & Internet 2014. Vol. 6. Is. 3. P. 241–267.
36. Hollis L. Weapons of Maths Destruction: How big data increases inequality and threatens democracy. An interview with Cathy O’Neil // IPPR Progressive Review 2017. Vol. 24. Is. 2. P. 108–118.
37. Hong S., Kim N. Will the Internet Promote Democracy? Search Engines, Concentration of Online News Readership, and E-democracy // Journal of Information Technology & Politics 2018. Vol. 15. Is. 4. P. 388–399.
38. Ingrams A. Public Values in the Age of Big Data: A Public Information Perspective // Policy & Internet 2018.
39. Isaac J. C. Liberal Democracy in Question? // Perspectives on Politics 2017. Vol. 15. Is. 1. P. 1–5.
40. Janssen M., Kuk G. The Challenges and Limits of Big Data Algorithms in Technocratic Governance // Government Information Quarterly 2016. Vol. 33. Is. 3. P. 371–377.
41. Janssen M., Van den Hoven J. “Big and Open Linked Data (BOLD) in Government: A Challenge to Transparency and Privacy? // Government Information Quarterly 2015. Vol. 32. Is. 4. P. 363–368.
42. Johnson J. A. The Illiberal Culture of E-Democracy // Journal of E-Government 2007. Vol. 3. Is. 4. P. 85–112.
43. Kaplow L., Shavell S. Fairness versus Welfare. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press. 2002.
44. Keir J. Two Hearts Believing in Just One Mind? The Humanistic Management Network and the Global Ethic Project // Humanistic Management Journal 2016. Vol. 1. Is. 1. P. 139–147.
45. Lieberman J. L. Ralph Ellison’s Technological Humanism // MELUS 2015. Vol. 40. Is. 4. P. 8–27.
46. Marey M. A Political Defence of Kant’s Aufklärung: An Essay // Critical Horizons 2017. Vol. 18. Is. 2. P. 168–185.
47. Masuda Y. The Information Society as Post-industrial Society. Institute for the Information Society. Tokyo. 1980.
48. Moss G., Coleman S. Deliberative Manoeuvres in the Digital Darkness: eDemocracy Policy in the UK // The British Journal of Politics & International Relations 2014. Vol. 16. Is. 3. P. 410–427.
49. Ritzer G. The McDonaldization of Society. Pine Forge Press. 1993.
50. Vedel G. Derecho administrative. Aguilar, 1980.

About the authors:

Viktor P. Kirilenko, Head of the Chair of International and Humanitarian Law of North-West institute of management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Jurisprudence), Professor, Honored Lawyer of Russian Federation; v.vvaas@yandex.ru

Georgy V. Alekseev, Associate Professor of the Chair of Law of North-West institute of management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Jurisprudence, Associate Professor; Deltafox1@yandex.ru